

*Александр
Тамоников*

ЯДОВИТАЯ ТРОПА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Ядовитая тропа / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026 — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-229771-7

В послевоенном Кенигсберге восстанавливаются разрушенные кварталы, возобновляют работу предприятия, спешат домой беженцы. Однако до настоящей мирной жизни еще далеко. В течение нескольких дней в городе обнаружено несколько тел со странными признаками: пальцы рук, мочки ушей и губы — черного цвета, как при обморожении. Но зима в этом году выдалась мягкая... Полковник СМЕРШ Семен Серабиненко предполагает, что это следы неизвестного яда. Кто-то отравил зернохранилище и убрал свидетелей. Похоже, в городе действуют диверсанты, и акция на складе зерна — это только часть их плана. Что дальше? Военный порт? Серабиненко не догадывается, что враг намного коварнее, чем кажется на первый взгляд...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-229771-7

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

*Декабрь сорок пятого
Военный округ Кенигсберг*

Он остался один из группы. К сожалению, на территории города работала слишком большая группировка. И если бы только одна.

Тихоня с усилием потер виски. Нужно оставить сообщение для Центра там, где его обязательно найдут. Но открыто писать нельзя. Декабрь выдался в этом году на удивление теплым. Даже почки на деревьях начали набухать, как будто уже пришла весна. Тихоня посмотрел на свои руки. Пальцы начали чернеть еще вчера. В груди постоянно что-то булькало. Кружилась голова, и все время хотелось есть. Агент понимал, что жить ему осталось совсем немно-

го. Задание, на которое послали их группу, не выполнено. Весь день он потратил на то, чтобы отправить сообщения в Центр. В городе работают минимум две ячейки по разным направлениям. Но он был уверен, что больше.

Его пасли уже два часа. Тихоня улыбнулся. Ну, давайте, родимые, подходите ближе. Он уже устал.

Тихоня открыл дверь комнаты квартиры, которая считалась у них запасным жильем. Эх, жалко, что мало успел. Это была очень уютная квартирка, мебель пришлось, правда, вынести, она мешала, когда работала группа, для удобства они чертили план на полу мелом, а потом смывали его. Дом стоял на отшибе, в нем имелись две комнаты, гардеробная. Черный ход вел к ручью, по которому незамеченным можно дойти до центра и из центра города назад.

Тихоня закончил свои записи, завернул их в промасленную бумагу, потом в брезент и сунул в банку. А банку убрал в холодильник — обычный, не сильно приметный шкаф под окном. Задвинул за батарею банок с немецким вареньем. Вернется и найдет, хорошо. Квартиру он внес в реестр слу-

жебного жилья. Если найдут его записи, передадут в комендатуру. Это будет хорошо.

Тихоня выскользнул из дома и пошел по дороге, нутром чувствуя, что за ним идут.

...Его тело так и не нашли. Тела почти всех тех, кто шел за ним, похоронили в общей могиле как неопознанные.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Семен открыл глаза и с усилием потер виски. Сон ушел, но липкое ощущение, что ему смотрят в спину, осталось. Это ощущение, как маячок опасности, много раз выручало его на фронте. Но война закончилась. Во всяком случае, для большинства. Семен привык думать, что и для него тоже. Хотя знал, что для таких, как он, наступает не менее тяжелое время. Не надо думать, что с подписанием мирных соглашений оканчивается война. Нет. Особенно на новых территориях. Семен Серабиненко, полковник СМЕРШа, после ранения и контузии был списан. Но ввиду своих заслуг работал не на завалах или вербовочных пунктах, а в самом центре столицы Кенигсбергского военного округа недалеко от полуразрушенного Замландского вокзала,

на котором все еще сияли огромные буквы с немецкой надписью «Нордбанхоф». Что было странным, обычно именно на вывесках и срывалась злость рядового состава. В здании, где сейчас работал Семен, во время войны размещался штаб гестапо. А сейчас там собрали все архивы и временно разместили отделение комендатуры города.

Задача Семена сейчас была, казалось бы, простая и скучная — просматривать тонны бумаг. Еще при нацистах сюда свозили документы со всей Западной Европы. Литовские, польские, эстонские, попадались даже венгерские. Не только современные. Попадались даже старинные закладные свитки. Фашисты, как сороки, тащили все, что блестит. Семен знал одиннадцать языков. Мог даже блеснуть греческим, но, как сам любил шутить, произношение у него было так себе. На всех остальных языках читал, писал и говорил свободно. Почти ничего не забывал, был внимателен, усидчив. Мог часами разбирать рукописные закорючки, которые порывались выкинуть, а потом оказывалось, что именно в этой записке с «закорючками» содержались очень

ценные для военной комендатуры данные о том, где именно были заминированы каналы реки Прегель.

Внешне ничего не говорило о том, что полковник был ранен, разве что чрезмерная худоба. Время от времени лицо Семена серело, и казалось, что он переставал дышать. В такие минуты ему чудилось, что он буквально уговаривал свое сердце снова начать биться, а грудную клетку — расширяться, проталкивая воздух внутрь. В эти секунды он снова чувствовал себя придавленным бронеплитой из капонира Пятого форта. И черт же понес его туда в день штурма Кенигсберга. По приказу в тот день он должен был быть в другом месте. Но нет. Решил проверить свою догадку по поводу численности гарнизона и засады, которую готовили для штурмовиков. Когда ты в СМЕРШе, то гораздо важнее не умение следовать прямым приказам, хотя нарушение их во время войны карается смертью, а умение находить решение и принимать на себя ответственность. И если ты делаешь ход и побеждаешь — ты снова в команде. Если нет — то ты сам по себе и нарушил приказ.

Именно так в них воспитывали умение думать и побеждать в любой обстановке, в команде или сам по себе.

Полковник Серабиненко поймал в день штурма шпиона, который надеялся укрыться среди военного гарнизона Пятого форта и, воспользовавшись хаосом после взятия форта, прикинуться обычным пленным рабочим из соседнего поселка. В одном из казематов форта действительно держали пленных. Особо полезных, тех, чьи навыки могли пригодиться во время осады форта. Но немцы просчитались. Осады не было. Был стремительный, смертоносный и практически невозможный ни с точки зрения тактики, ни с точки зрения теории штурм. Наверное, будь Семен кем-то другим, он много раз прокручивал бы в голове тот день, думал бы, можно ли было что-то изменить. И не оказаться на пути взрывной волны. Не получить удар в грудную клетку и контузию. В СМЕРШе нет места размышлениям постфактум. Ты сделал свое дело — теперь у тебя есть новое дело.

Формально его списали, но в Центре дали понять, чтобы не расслаблялся, на пенсию еще рано.

Но на самом деле Серабиненко занимался любимым делом. Он разгадывал запутанные загадки прошлого. Все они были здесь, скрыты в этих бумагах. И кому, как не ему, найти в них важное. Описания лабиринтов дренажных систем и подземелий города. Схемы коммуникаций и подвалов. Все это было деталями мозаики, которые он сохранял у себя в голове. По старой памяти и вдруг когда-нибудь пригодится.

В тот день Семен вышел из дома и привычно пошел пешком на службу. Жил он в меблированной квартире-мансарде в очаровательном парковом районе в двух кварталах от комендатуры. Ему предлагали другое жилье, служебное, в здании бывшего банка, на той же улице, но Семену хотелось ходить пешком. С поднятой головой, не следя за небом.

Сослуживцы не знали ни о его прошлом, ни о его звании. Это был подарок от командира «Крымской розы», его отряда. Позывной Раглан. Большой привет историкам и знатокам Крымской войны. Для всех он был молодым лейтенантом разведки, чудом уцелевшим после гибели группы «Джет». Выглядел гораздо моложе своих лет. Худой. Движения

то замедленные, то порывистые. Первым его заданием в Кенигсберге еще в сорок пятом было сопровождать экспедицию Пакарклиса, и именно тогда он и проявил себя. Спас молодого офицера, не дал ему соскочить с кузова грузовика и, ведомого черным пламенем войны, которое выжгло его разум, побежать в заминированный лес. Умело скрутил и на глазах у изумленных литовцев чуть придушил, чтобы уснул парнишка и перестал бежать на верную погибель. Шепнул на ухо: «Отдохни, братишка». Потом в старом замке Лохштедт именно Серабиненко понял, что здесь испытывали химическое оружие. Поэтому снег вокруг замка был цвета разведенной горчицы, а трупы немцев, застигнутых смертью настолько внезапно, что некоторые из них еще держали в руках ложки и другие столовые приборы, могли быть опасны. Может быть — заражение. Может быть — заминированы подвалы или сами трупы. Сдвинешь такой, и до свидания, исследователь из Вильнюса и его группа ученых энтузиастов. Решение Серабиненко тогда принял так себе с точки зрения следа для истории и самого Пакарклиса, который орал на него потом в коридорах комендатуры, что он знает, что

это все дело рук Семена и что бесценные сокровища, сложенные в подвалах замка, утеряны навсегда.

С точки зрения экспедиции профессора из Виленского университета все выглядело прескверно. Они приехали в замок, полный трупов. Спустились в подвал и нашли ящики с книгами. Спасли, сколько поместилось в кузов грузовика, в том числе и бесценное издание «Времен года» Кристиона Донелайтиса, литовского классика литературы, и множество других рукописей и документов. А на следующий день, когда группа снова поехала в замок, полная надежды провести новые исследования и найти новые сокровища, замок уже был окружен кольцом солдат с огнеметами. Пакарклис плакал, ругался, клял весь мир на трех языках. А Семен поймал себя на том, что, глядя на замок впервые, видит, как плачет камень. При высоких температурах кирпич, из которого были построены хозяйственные постройки Лохштедта, плавился и стекал вниз на землю как бурое стекло. Но тогда еще Семен не знал, что вспомнит эту историю позже.

Пакарклис тогда винил его в утере всех сокровищ мира, не зная, что ящики выгру-

зили из подвалов той же ночью, как только Семен передал шифровку Раглану через связного. И за них Серабиненко следовало приняться, когда он закончит со всеми документами, что сейчас окружали его.

Работы хватит до самой старости. А то, что теперь какой-то ученый объявил его своим смертельным врагом, да много их таких было. Привык.

Полковник шел привычной дорогой. На работу всегда в одно и то же время по одной и той же улице. Обрато — другим маршрутом, меняющимся раз в несколько дней без системы. Привычка. В день дважды не ходить одной и той же дорогой. Да и невозможно это было в послевоенном, пока еще не переименованном в Балтийск Кенигсберге с его постоянными перекрытиями улиц. Пока еще не умер всесоюзный староста Калинин, и Балтийск казался самым очевидным названием.

Семен знал свой маршрут по минутам. Как и то, что в доме с обрушившейся аркой портала, которую сейчас разбирали солдаты, горельефы с каштановыми листьями были с другой стороны дома. С северной. Вот такой вот, казалось бы, обыч-

ный пустяк. Мало ли почему тяжелый камень с резным орнаментом оказался здесь. Но Серабиненко остановился.

— Что-то вы рано сегодня, — сказал Семен бойцам, разбирающим гору камней.

— Да вот зашибло кого-то. Что его понесло шастать по развалинам, непонятно, — сказал знакомый рядовой. Он дежурил на этом перекрестке каждые два дня.

Семен хорошо знал всех, кто работает на этом участке. За первую неделю он запомнил их всех в лицо.

Еще через месяц — по именам, кличкам, помнил привычки тех, кто часто стоял в карауле. Знал, что Антон — смешной рыжий парень — делал самокрутки из старых немецких марок. Что у рядового Алексея невеста в Крыму. Он берег ей банки с консервами и красивую чашку с аютиными глазками.

— Врача нашего убило. Что его сюда понесло, да еще и ночью, непонятно. Развалины же, да еще и огорожены. Не разобрано до конца. Зашел внутрь, и вот камнем и прилетело по голове, — пояснил подошедший молодой лейтенант, слово в слово повторив слова рядового.

Он закурил, а Семен, показав документы, хоть его и знали тут, но порядок есть порядок, подошел поближе к телу. Все вроде бы просто на первый и крайне невнимательный взгляд. Но... Тело явно двигали. Крови вокруг раны нет, значит, вытекла где-то в другом месте. Раны на голове, особенно прижизненные, сильно кровоточат. Семен обратил внимание на губы и руки убитого. Кожа на пальцах — черная, на кончиках и вокруг ногтей слезает. Как если бы при сильном обморожении. То же самое с губами и кончиками ушей. А зима в этом году была мягкая. Даже снег еще не выпал, хотя уже конец января. Семен посмотрел на камень, который аккуратно положили на тело убитого. Затеяливая резьба в виде каштановых листьев. Еще интереснее. Чтобы успокоить самого себя, он встал и обошел здание. Да. Такой декор шел с другой стороны здания, он был прав. Значит, фельдшера убили, положили под балкон и добили камнем, чтобы скрыть след от удара в висок.

— Вызывайте наряд, — устало сказал он, напоминая себе, что у него тут другое дело. СМЕРШ — это не про бытовые убийства. СМЕРШ — это про другое.

Серабиненко закурил и посмотрел перед собой, привычно спрятав огонек в ладони. Нет, не простое это убийство. Не может быть простого убийства в городе, где практически каждый дом и каждая дорога окружены лентами, значит, еще не разминировано. Уходя, немцы заминировали все, что только возможно: дороги, дома, склады. Почти под каждым домом были бомбоубежища. И бесконечные лабиринты подвалов. Почти все, кто участвовал в штурме города, вспоминали, что в том аду, когда в воздухе висела кирпичная взвесь и от грохота было почти ничего не слышно, приходилось бежать на ощупь, просто двигаться вперед и буквально прорубать себе дорогу, не оставляя врага за спиной.

Враг был не только за спиной, но еще и под землей. Стреляли из подвалов, из амбразур бомбоубежищ, из окон... и никто не знал, кто может ждать за углом. Старик с гранатой или ребенок с «вальтером».

Семен тряхнул головой. Сегодня у него другая жизнь и другая задача. Чтобы понять ее, нужно представить, чем был Кенигсберг для Германии. Это не просто столица Восточной Пруссии. Город где-то там далеко.

К исходу войны Кенигсберг был идеологической столицей Германии. И это тоже было еще не все. Как и то, что именно в Кенигсберге свозились ценности и произведения искусства со всей Европы.

Кенигсберг и вся область еще со времени строительства первой железной дороги стал крупнейшим транспортным узлом. А где сходятся столько дорог, всегда будут шпионы. Те, кто будет собирать информацию, и не только для военной разведки. Именно в Кенигсберге еще с начала века были организованы несколько промышленных сообществ, которые на самом деле были штабами зарождающегося абвера — разведки фашистской Германии. Этот город даже сейчас, после войны, оставался сердцем многоголовой гидры разведки нацистской Германии, и ее головы только еще предстояло начать рубить.

Поэтому не может быть в этом городе случайных смертей. Особенно сейчас, когда готовится первая военная выставка на освобожденной территории. И эта выставка должна стать началом новой жизни Кенигсбергского военного округа. Формально можно сказать, что полковника Серабиненко

списали. Сиди себе, перекладывай бумажки, болезный. Не нужен ты больше СМЕРШу. Только вот перекладывал бумажки он в самом центре города. В здании с очень страшной историей. И где, если держать уши открытыми, а голову холодной, можно было много всего услышать. Например, про то, что именно организация этой военной выставки трофеев и достижений может существенно ускорить официальное вхождение округа в состав РСФСР и его дальнейшее переименование. А это значит, новые силы, переселенцы, строительство нового города.

Тяжело боевому офицеру на бумажной работе, мог бы — взялся разгрести развалины, патрулировать. Семен успешно создавал видимость того, как сильно он расстроен тем, что вынужден торчать в кабинете. А сам слушал. Смотрел. Собирал всю возможную информацию. А ее было много. Очень много. И он отправлял ее в Центр. Скоро обещали прислать нового связного.

Докурив, молодой полковник вернулся к телу.

— Дежурный за патрулем побежал, — доложил ему рядовой, хотя мог бы и не докладывать.